

ПЕСНЯ. ОБЛАКО. ВОДОЁМ

(Евгений Морозов, О том, как ты была всегда. Стихотворения. – М.: ЛитГОСТ, 2019. – 108 с.)

При знакомстве с творчеством Евгения Морозова, понимаешь со всей очевидностью, что его стихи не предназначены для широкой аудитории и не предполагают открытого диалога с читателем. Здесь всё развивается по иному сценарию – трепетная самоуглублённость, философская созерцательность, уход от прямого высказывания в область затемнённых смыслов и далековатых идей.

Сложность для восприятия создаёт и эффект кажущегося отсутствия акцента на каких-либо темах, деталях. Точнее, он есть, но весьма расплывчатый – как будто автору мешает резкость объектива. Действительно, его главная цель состоит в ином: записать незапечатлённое, нарочито избегая конкретики, ибо она сужает угол зрения до прямого видения. Морозову же важна таинственная аура предмета, сквозь которую легче увидеть «кривизну колыбельного края» и сохранить множественность его смыслов.

Название сборника – «О том, как ты была всегда» – тоже наводит на подобную мысль и вводит читателя в систему условных пространственно-временных координат, где взамен будущему и прошлому предлагается настоящее вневременное. Именно поэтому выходящее за пределы традиционной логики соседство всеобъемлющего «всегда» с ограничительным «была» кажется здесь полностью оправданным. Для Морозова быть – значит длиться во времени и пространстве, ощущать себя, свою подлинную суть как неотъемлемую их часть. «*Чем живёшь протяженней, тем крепче себя же проснёшь*», – таков девиз поэта.

Три раздела сборника – Жизнь (Vita), Смерть (Mortem) и Любовь (Amor) – только условно организуют его поэтическое пространство. Гораздо более важной здесь представляется концептуальная составляющая книги, рождаемое в сознании читателя ощущение движения, поиска пути. От себя временного к себе подлинному, вневременному: через преодоление нечистой, замутнённой земными привязками человеческой природы к первозданной чистоте и лёгкости. Любовь, мотивы которой пронизывают все стихи Евгения Морозова, появляется в конце как спасительный мостик между жизнью и смертью – появляется и ведёт обратным путём, от тяжести конечного земного бытия к облачности детства, в котором и следует искать ответы на все онтологически важные вопросы. Именно туда, на «детский облачный полустанок», ведёт нас сложный, остранённый, парадоксальный (по определению автора предисловия Кати Капович) язык Евгения Морозова:

*Падко, старательно, невозможно,
больно, малиново, молчаливо
приходясь спозаранку друг во друге
или просвистывая насквозь,
на детском облачном полустанке,
в кружевах из сна и домашней сказки,
у непрочитанных голубых экранов,
в торопливых кафе среди дождей,
так запальчиво не замечать,
не заниматься живучим пламенем...*

Так же, как современный поэт Николай Васильев, не так давно выпустивший книгу «Нефть звенит ключами», Морозов не особенно жалеет своего читателя, пропуская его сквозь грамматические дебри затруднённой речи и заставляя «плыть по волнам высокого косноязычия», если вспомнить высказывание Бориса Кутенкова. Лексика, в основе которой тоже лежит эффект парадоксальности и остранённости, создаёт художественно замкнутое, суггестивное пространство, наполненное знаковыми для автора словами-маячками, сквозными образами-кодами, из которых складывается самобытная вселенная, наполненная звуком и светом:

*Ещё прилежно ранит,
ещё внутри – согрет –
в крови, в груди, в гортани
невысказанный свет.*

*За причинённый воздух,
где звёзды пролегли,
– следы ночных полозьев
над трубами вдали*

«Невысказанный свет», «причинённый воздух» – оригинальные эпитеты, достигающие до символов, универсальных шифров, за которыми скрывается истинный авторский замысел. Трагедия творца, обречённого на молчание в мире материальных смыслов, но находящегося в непрерывном поиске механизма, способного «запустить» подлинного человека внутри нас, истинную, родовую, речь в памяти поэта – ключевая идея книги «О том, как ты была всегда». Этим универсальным механизмом, пятым элементом, бросающим «камушек в самую зыбь», преобразующим «спешный космос» в «скрипичный звон», становится любовь. Автор трактует её не столько в субъективно-конкретном, сколько в метафизически-философском смысле. У книги нет определенного адресата, но есть многочисленные версии его трактовки. Кто скрывается за глаголом прошедшего времени – женщина, жизнь или сама поэзия – для читателя остаётся не до конца разгаданным, неочевидным. Логика авторской мысли возводит нас к тем «конечным областям значений», где любовь трактуется как одухотворяющая сила природы, высшая энергия, с которой начинается сознательный акт духовного преображения, осознанного речеговорения – «проговаривания» себя в пространстве языка:

*«Я тебя...» – и забьются веки,
словно крылышки в первом снеге,
словно флаги по кораблю,
на нечаянном человеке,
говорящем своё «люблю»
<...>*

*за когда-то признание, где ты
возмущась, как с плеча рубя,
не простишь, не поймёшь всё это –
я живу. Я люблю тебя».*

Непрерывная рефлексия – главная отличительная особенность книги Евгения Морозова. Его лирический герой всё время смотрит на себя со стороны, распадается на бесконечное множество краткосрочных ипостасей, из которых единственно подлинную следует искать только за пределами временных границ. При этом истоки своего существования герой всегда обнаруживает в далёком детстве, воспоминания о котором пробуждают генетическую, родовую память, коренищуюся в сфере бессознательного:

*лишь у детства, смерти, творца всего,
у чего угодно – не у него –
у того, что «господи, пронеси»,
попроси прощения, попроси.*

Мотив детства ассоциативно рождает тему материнства – отцовства, неразрывно связанную с авторской идеей о необходимости «жить протяжённой» – длить себя в своём роде. С особой сокровенной интонацией написан Морозовым диптих «Письма родителям». Во второй части, где речь идёт об отце, отчётливо звучит мысль о духовной преемственности поколений – той неискоренимой памяти о родительской любви, которую человек пронесит через жизнь как панацею от бездомности и «кромешного взрослого Рима»:

*Я сказал бы ему своё «прости»
я пожал бы его суровую руку
и накрепко запер в бездомном сердце
всё то, что мне говорил отец*

Но память о своём роде неотделима от общекультурной памяти, отблеск которой всегда присутствует в сознании поэта. Поэтому стихи Евгения Морозова, звучащие свежо и очень современно, всё же вырастают корнями из традиции, в них слышны отголоски золотого и серебряного века. Так пребывающий в духовном поиске человек может выйти из гумилёвского трамвая, оставив «круглый след на стекле морозном» в духе Мандельштама. Далёкие воспоминания детства, любовь, творчество – для Евгения Морозова это скрытые порталы в мир, где человек обретает экзистенциальную лёгкость бытия, постепенно превращаясь в песню, облако, водоём:

*О, как жгуче в гурьбе-природе,
как во многом – всё об одном,
происходит-не происходит
белый свет за твоим окном
<...>*

*Городит о лесной свободе
голос-истодваль, дым-вдвоём;
происходит-не происходит
песня-облако-водоём.*